СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ X, № 6.

ПОВѢСТЬ
О СУДѢ ШЕМЯКИ.

М. И. Сухомлинова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1873.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Февраль 1873 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

(Записка Академика М. И. Сухомлинова.)

Въ ряду произведеній нашей повѣствовательной литературы Шемякинъ Судъ заслуживаетъ вниманія какъ по своему содержанію и характеру, такъ и по тѣмъ даннымъ, которыя онъ представляетъ для разъясненія состава и происхожденія литературныхъ памятниковъ нашей старины. Въ XVII столѣтіи люди книжные списывали и вносили въ сборники повѣсть о судѣ Шемяки, интересовавшую ихъ своимъ сатирическимъ складомъ, своими забавными и остроумными подробностями. Въ XVIII вѣкѣ являлись передѣлки этого памятника, которому отводили мѣсто въ ряду образцовыхъ сатирическихъ произведеній, подобно баснямъ и притчамъ Сумарокова. Въ наше время ученые, какъ русскіе, такъ и иностранные, касаются преимущественно вопроса о составѣ памятника и соотношеніи его съ однородными произведеніями восточныхъ и западныхъ литературъ. Указывая на связь его съ условіями русскаго быта и общественной жизни, относятъ его къ тому же разряду, какъ и сказку о Ершѣ Ершовичѣ и лубочную картину «мыши кота погребаютъ».

Шемякинъ Судъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Лучшимъ спискомъ называли тотъ, который находится, хотя и въ неполномъ видѣ, въ рукописи Бѣльскаго: «доселѣ — говоритъ Сахаровъ — не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто-либо другой». [1]) Списки, изданные

[1]) Русскія народныя сказки. 1841, стр. 269—270.

впослѣдствіи не представляютъ между собою существеннаго различія.

Шемякинъ Судъ послужилъ сюжетомъ не только для литературы, но и для народнаго искусства. Лубочныя картинки, числомъ двѣнадцать, помѣщенныя на одномъ листѣ, изображаютъ двѣнадцать событій мудренаго суда: бѣднякъ проситъ у богатаго лошади; бѣднякъ верхомъ на лошади, привязанной хвостомъ къ дровнямъ; бѣднякъ проситъ у богатаго прощенія, что оторвалъ хвостъ у его лошади; бѣднякъ падаетъ съ палатей; бѣднякъ падаетъ съ моста; передъ судьею Шемякой: бѣднякъ съ своимъ богатымъ братомъ, съ отцомъ задавленнаго имъ ребенка и съ сыномъ убитаго имъ старика; бѣднякъ мирится съ братомъ и съ двумя другими противниками; судья радуется избавленію отъ угрожавшей ему гибели.

Тѣже сюжеты, только съ несравненно большимъ искусствомъ представлены и въ одинадцати гравюрахъ, изданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія писателемъ-художникомъ, скрывшимъ свое имя подъ буквами А. О. (быть можетъ Алексѣй Оленинъ). Текстъ этого изданія есть переложеніе разсказа лубочной картины въ стихи, разбавленные сентенціями по тогдашнему литературному обычаю. Гравюры изображаютъ тѣ же самыя событія, что и лубочныя картинки и въ той же послѣдовательности, только три сцены истцовъ и отвѣтчика передъ судьей Шемякой замѣнены двумя, изображающими подсудимыхъ передъ Шемякою и рѣшеніе судьи Шемяки. Аляповатыя фигуры лубочныхъ картинъ замѣнены довольно изящными фигурами въ русской одеждѣ и съ русскими лицами; вмѣсто ассирійскихъ и византійскихъ оруженосцевъ являются русскіе мужички.—Издатель говоритъ, что Шемякинъ Судъ «рѣдокъ стариною своею, онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія уложенія, ибо на спасскомъ мосту еще при царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ картинами. Уповательно, что онъ забавнымъ своимъ произшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ, и въ младенчествѣ законодавцу соборнаго уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ народѣ какъ въ тѣ

времена, такъ и нынѣ весьма употребительнымъ» [2]). Стихи, поэта-гравера въ такомъ родѣ:

Смиренно богачу бѣдняга поклонился,
Лошадки съ хомутомъ онъ проситъ у него,
И милости сей ждетъ отъ брата своего.
Богатый, бѣдности не чувствуя мученья,
Исполнить просьбы сей не могъ безъ огорченья,
Съ великимъ сердцемъ онъ лошадку брату далъ,
А въ хомутѣ ему и вовсе отказалъ.
Не знаетъ нашъ бѣднякъ что дѣлать и съ лошадкой;
Но способъ наконецъ сыскалъ своей догадкой,
Что къ лошади за хвостъ возъ дровъ онъ привязалъ,
И сѣвши на дрова онъ прытко погонялъ,...

Независимо отъ забавнаго содержанія въ пьесѣ видѣли своего рода мораль: при всей своей оригинальности судъ оказывается въ сущности справедливымъ и безобиднымъ, что̀ и выражается въ заключительныхъ стихахъ переложенія:

Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезенъ:
Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія вышло въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе лубочной картины Шемякина Суда, которое дало возможность иностраннымъ любителямъ народной словесности ознакомиться съ замѣчательною русскою сказкой. Въ журналѣ или точнѣе альманахѣ на 1808 годъ, изданномъ Гейдеке въ Ригѣ подъ названіемъ: Janus, въ числѣ нѣсколькихъ статей, относящихся къ исторіи русской образованности, какъ напримѣръ: о введеніи и развитіи книгопечатанія въ Россіи, исторія русскаго театра отъ начала его до Волкова, описаніе русскаго посольства во Францію и въ Испанію въ 1667, и др.,

---

[2]) Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ Баснями въ лицахъ. Москва. 1794.—Въ предисловіи къ читателю: «за излишнее почитаю представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякій читатель въ скучное время нашелъ свое удовольствіе какъ въ стихахъ, такъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.»

помѣщенъ въ концѣ перваго выпуска Шемякинъ Судъ подъ заглавіемъ: Etto Schemäkin sud (ein russisches sprichwort [3]).

Рижское изданіе Шемякина Суда не прошло незамѣченнымъ и безслѣднымъ. Иностранные ученые пользовались имъ, и, какъ видно изъ труда Бенфея, пользуются до настоящаго времени, обращая вниманіе на сходство русскаго памятника съ памятниками другихъ литературъ. Года черезъ три послѣ изданія Гейдеке извѣстный знатокъ и изслѣдователь германской старины фон-дер-Гагенъ указалъ, хотя и вскользь, на подобное сходство, именно на связь Шемякина Суда съ нѣмецкою пѣснію о Судѣ Карла Великаго [4]).

Гораздо ближе къ подлиннику, нежели у Гейдеке, нѣмецкій переводъ Шемякина Суда, изданный Дитрихомъ, получившимъ оригиналъ отъ И. М. Снегирева. Къ изданію, заключающему въ себѣ семнадцать русскихъ сказокъ, приложено предисловіе Якова Гримма [5]).

---

[3]) Janus oder Russische Papiere. Eine zeitschrift für das jahr 1808. Herausgegeben vom Probst Heideke. Erstes heft. Riga. 1808. — Etto Schemäkin sud: ein uraltes volksmärchen gab zu disem sprichworte anlass. Es heisst auf deusch: das ist geurtheilet wie Schemäkin und wird immer gebraucht, wenn jemand deraisonnirt, schief urtheilt, albern abspricht. Eine erklärung hierüber kann ich nicht besser geben, als wenn ich die beschreibung des zerrbildes, welches Schemäkins ritterliche prozedur in 12 quadraten in kupfer gestochen vorstellt, mittheile. Dabei erhalten die leser zu gleicher zeit ein pröbchen von national-fabeln im volkstone, aber mehr dürfen sie nicht erwarten (стр. 147—151).

[4]) Literarischer grundriss zur geschichte der deutschen poesie von der ältesten zeit bis in das sechszehnte jahrhundert durch F. H. von der Hagen nnd J. G. Büsching. Berlin. 1872. s. 172.... Karls Recht, ein meistergesang.... Docen in uns. mus. II, 276—83, wo ein auszug und mehr von den englischen und italienischen darstellungen dieser fabel. Von einer russischen vgl. die zeitschrift Janus. st. 1. — Aehnliche erzählungen aus Karls jugend in der deutschen prosa von seinem leben. Ueberhaupt war im mittelalter, wie Artus durch seine milde, so Karl durch seine strenge rechtspflege berühmt, und häufig sind bei den minnesigern beziehungen auf Karls Recht....

[5]) Russische Volksmärchen in den urschriften gesammelt und ins deutsche übersetzt von Anton Dietrich. Leipzig. 1831. Das Urtheil des Schemjaka, стр. 187—191.

Вольный переводъ Гейдеке перепечатанъ Бенфеемъ въ его извѣстномъ сочиненіи: «Панчатантра». Бенфей выводитъ русскую повѣсть о судѣ Шемяки изъ предполагаемаго, но пока еще не открытаго, индійскаго источника, и посредствующимъ звеномъ считаетъ сказку тибетскую. Устная передача и постепенныя примѣси, по его мнѣнію, чрезвычайно измѣнили первоначальный видъ произведенія. Бенфей приводитъ, какъ однородныя съ рус-

---

Приводимъ нѣсколько выдержекъ для сравненія изъ изданій Гейдеке и Дитриха.

Текстъ лубочныхъ картинъ.	*Janus, von Heideke.*	*Russische Volksmärchen, von Dietrich.*
Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: единъ богатый, а другій убогій. Пріиде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознеговалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ....	Es lebten in einem lande zwei brüder. Davon war der eine reich, der andre arm. Einst kam der letzte zu dem erstern und bat ihn ihm sein pferd zu leihen um damit holz aus dem walde zu führen. Der reiche wollte anfänglich nicht dran. Endlich gab er es ihm, doch schlug er ihm das geschirr dazu ab. Dem armen blieb nichts übrig als den schlitten an den Schweif des pferdes zubinden....	Auf einigen grundstücken lebten zwei brüder; der eine war reich, der andere arm. Da kam der arme bruder zu dem reichen um ihn um ein pferd zu bitten, damit er hoiz aus dem walde holen könnte. Der reiche gab ihm das pferd und der arme fing nun auch an um ein kummet zu bitten; der reiche aber zürnte auf den bruder und gab ihm kein kummet. Der arme bruder aber kam auf den gedanken, schlitten dem pferde an den schweif zu binden....
Судья же Шемяка выслалъ слугу къ убогому прошать денегъ триста рублевъ. Убогій же показа камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же пріиде къ судьѣ и сказа про убогаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти. Судья же нача креститися: слава Богу, что я по немъ судилъ.	Er schickte seinen Bedienten zu dem, den seine wohlwollende billigkeit losgesprochen hatte, und liess ihn um 300 rubel ersuchen. «Hätte mich der herr richter nicht losgesprochen, erklärte dieser, so wäre ihm der stein an den kopf geflogen». Nun so sei Gott gelobt, sagte Schemäka, dass ich mich so klug aus dem handel zog.	Der richter Schemjaka schickte seinen diener zu dem armen um drei hundert rubel zu verlangen. Der arme aber zeigte ihm den stein und sprach: «wenn der richter nicht für mich entschieden hätte, so würde ich ihn getödtet haben». Der diener kam zu dem richter und sagte von dem armen, wenn er nicht für ihn entschieden hätte, so würde er ihn mit dem steine getödtet haben. Der richter fing an sich zu bekreuzen und sprach: «Gott sei dank, dass ich zu seinem besten entschieden habe».

скою повѣстью: тибетское сказаніе изъ Дзанглуна, сказку о каирскомъ купцѣ и пѣсню о судѣ Карла Великаго [6]).

Русскій переводъ той же тибетской сказки Дзанглуна помѣщенъ г. Пыпинымъ въ статьѣ его о Шемякиномъ Судѣ вмѣстѣ съ текстомъ памятника, изданнаго по двумъ спискамъ: Толстовскому и Забѣлинскому [7]).

Въ исторической христоматіи церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ г. Буслаевъ помѣстилъ въ числѣ памятниковъ языка семнадцатаго вѣка и Шемякинъ Судъ по списку, принадлежащему самому г. Буслаеву. Ученый издатель говоритъ: «Эта сатира, основанная на преданіи о князѣ Шемякѣ, относится къ тѣмъ смѣхотворнымъ повѣстямъ, которыхъ большая часть была заимствована изъ польскихъ книгъ. Впрочемъ отсутствіе полонизмовъ въ Судѣ Шемякиномъ говоритъ въ пользу русскаго происхожденія этой сатиры на судей и подьячихъ. Рядъ судовъ Шемяки напоминаетъ апокрифическіе суды Соломона, встрѣчающіеся въ палеѣ и хронографахъ, и какъ бы противополагаетъ кривосудіе Шемяки правосудію Соломонову» [8]).

Г. Тихонравовъ въ статьѣ своей: «Шемякинъ Судъ» приводитъ, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, сходныя съ русскою повѣстью сказанія, собранныя въ книгѣ Бенфея, и въ свою очередь указываетъ сходныя черты въ произведеніяхъ польской литературы. Вѣскія указанія почтеннаго автора заключаются слѣдующею, вполнѣ вѣрной характеристикой памятника: «Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западноевропейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается убогій, изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ слу-

---

[6]) Pantschatantra: fünf bücher indischer fabeln, märchen und erzählungen. Aus dem Sanskrit übersetzt mit einleitung und anmerkungen von Theodor Benfey 1859. I. стр. 394—404.

[7]) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. 1859. Книга четвертая, стр. 1—10.

чайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самого Шемяки судьи» [9]).

Справедливость вывода г. Тихонравова подтверждается текстомъ сказки, записаннымъ со словъ народа и помѣщеннымъ въ замѣчательномъ изданіи покойнаго Аѳанасьева [10]). Признавая, что повѣсть о судѣ Шемяки сдѣлалась вполнѣ народнымъ достояніемъ, ибо изъ устъ поселянъ можно слышать ее съ различными видоизмѣненіями, Аѳанасьевъ находитъ одинаково возможнымъ одно изъ двухъ: или народная фантазія овладѣла книжнымъ разсказомъ и стала его варіировать посвоему, или же самая книжная редакція есть только обработка устнаго народнаго разсказа, принадлежащая перу стариннаго грамотника. Въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аѳанасьева приводится какъ устная, такъ и книжная редакція повѣсти.

На основаніи данныхъ, представляемыхъ какъ устною словесностью народа, такъ и старинными рукописями и лубочными картинами, повѣсть о судѣ Шемяки является въ слѣдующемъ, наиболѣе полномъ, видѣ:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата [11]): богатый и убогій. Нанялся убогій къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи. Приноситъ убогій домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-навсего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть ее да хлѣбовъ на печь—поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, бу-

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ—какъ чортъ богатъ, другой—до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не было ни единого дѣтища, а у бѣднаго девять сыновъ. Однажды повстрѣчалъ братъ брата и говоритъ богатый убогому: «послушай, тебѣ самому ѣсть нечего, не токма дѣтей прокормить, а я по милости Божіей, ни въ чемъ не знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю тебя за то̀ и хлѣбомъ и деньгами». — Постой! у жены спрошу: что скажетъ, такъ тому и быть! — Спросился у жены, она и слушать не хочетъ: «чертъ съ нимъ и съ его добромъ! я сына своего ни за какія деньги не продамъ». Говоритъ убогій богатому, что жена не со-

[8]) Историческая христоматія церковнославянскаго и древлерусскаго языковъ. 1861. стр. 1443—1448.

[9]) Лѣтописи русской литературы и древности. Т. III. Книжка пятая. 1861. Смѣсь и библіографія, стр. 34—38.

[10]) А. Н. Аѳанасьева, Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый. 1861, стр. 82—84. Выпускъ восьмой. 1863, стр. 325—330.

[11]) Въ иныхъ спискахъ: «два пустынника»; въ другихъ — «два брата земледѣльцы».

демъ и мы съ хлѣбомъ». — Не пойду, сказалъ убогій; все одно: проси, не проси, не дастъ онъ быковъ!—«Ступай! теперь братъ въ большой радости: родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошолъ убогій къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, забороновалъ, управился и—домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, добрый человѣкъ!» — Здорово, старикъ!— «Гдѣ былъ, что дѣлалъ»? — Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. — «А быки чьи»? — Быки братнины.— «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай что̀ знаешь: или сынъ у него помретъ или быки издохнутъ». Подумалъ-подумалъ убогій: жалко ему и быковъ и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!» Будь потвоему, сказалъ старецъ, и пошолъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогій братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ же издохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому: «прости, говоритъ, безъ вины виноватъ. Ужъ такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали». — «Какъ пропали? нѣтъ, любезный, со мною такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами». И повезъ его къ праведному судіѣ [12]).

гласна, не даетъ сына. «Ну хоть помолись, братъ, вмѣстѣ съ своею хозяйкою Богу, чтобъ даровалъ мнѣ дѣтище; коли родится у меня сынъ али дочь, возьму тебя кумомъ и щедрой рукой надѣлю и хлѣбомъ и деньгами». Пришолъ убогій къ хозяйкѣ, сказываетъ ей про то; она въ отвѣтъ: «ну чтожъ, родитъ ему жена или нѣтъ, а Богу молиться не грѣхъ»! Зачали они молить Бога, цѣлую ночь поклоны клали, и услышалъ ихъ Господь: взволновалась у богатаго жена и родила ему сына. Только богатый забылъ про свое обѣщаніе, взялъ въ кумовья къ себѣ именитаго купца, назвалъ гостей, и пошолъ у нихъ пиръ горой. «Ну что много надавалъ тебѣ братъ денегъ и хлѣба, стала говорить убогому жена его; пойди хоть лошади попроси въ лѣсъ по дрова съѣздить». Пошолъ убогій. Увидалъ его богатый и закричалъ грубымъ голосомъ. «ты еще зачѣмъ»? — Будь милостивъ, дай лошади въ лѣсъ по дрова съѣздить. — «Ишь выбралъ время; развѣ не видишь, что у меня гости»? — Поломался, поломался, и далъ ему стараго мерина. Поѣхалъ убогій въ лѣсъ. Пока рубилъ онъ дрова, прибѣжалъ волкъ и съѣлъ мерина. Какъ узналъ про то богатый, напустился на брата пуще ворога: «собирайся, говоритъ, поѣдемъ въ судъ судиться». — Твоя воля: что̀ хочешь, то̀ и дѣлаешь [13]).

Ѣдутъ они къ праведному судіѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга, лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извозчика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите добрые люди, выручьте изъ бѣды»! сталъ просить извощикъ.

Богатый же ссужая многа лѣта убогова и не возможе его скудости исполнити, и по нѣколику времени пріиде убогій къ богатому просити лошади на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый не хотя убогому брату лошади дати и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. И нача у него просити: хомута нѣтъ, и

Пріиде убогій братъ къ богатому лошади просити на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и и хомута прошать; богатый же вознегодовалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ, и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ великъ елико сила можетъ

[12]) Аѳанасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 82—83.
[13]) Тамъ же, стр. 83. Варіантъ.

«Дай сто рублевъ», говоритъ богатый». — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ.— «Ну, самъ и вытаскивай». — Постой, говоритъ убогій, я тебѣ задаромъ помогу. — Соскочилъ съ саней, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить; понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извощикъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?»— Эхъ, братъ, сказалъ богатый извощику, что съ нимъ долго разговаривать! садись со мной да поѣдемъ къ праведному судіѣ.

оскорбися на него богатый братъ, и нача ему поносити и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ! И не даде ему хомута. Убогій же пойде къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни къ лошади за хвостъ, и пойде въ лѣсъ; и насѣкши дровъ и накладчи на дровни елико лошади возможно везть и повезе къ двору своему. И привезчи дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ; лошадь же изо всей мочи бросяся зъ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогій же埋 веземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и пойде на него бить челомъ во градъ въ лошади. За нимъ же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка.... чтобъ ему ѣзду приставамъ не платить.

лошади везти и пріѣхалъ ко двору своему, и отворилъ ворота, а подворотню забылъ выставить; лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогій къ богатому приведе лошадь безъ хвоста. Богатый же видѣ лошадь безъ хвоста, не принялъ у него лошади, и поиде на убогаго бити челомъ къ Шемякѣ судьѣ. Убогій, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка — у голова давно смѣчена, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постоялом дворѣ. Богатый съ извощикомъ пошли въ избу, а убогій стоитъ на морозѣ; смотритъ — копаетъ мужикъ глубокій колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня; эхъ, пропадай моя голова»! И бросился съ горя въ колодезь, только себя не доконалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судіѣ.

И пріидоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый пойде ночевать къ попу того села по знакомству. Убогій же братъ пріиде къ тому же попу, и пріиде ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывати про лошадь свою чего ради идетъ въ городъ; потомъ нача попъ зъ богатымъ ужинать и пити и ясти. Убогій же нача съ полатей смотрить что попъ зъ братомъ его пьетъ и ѣстъ, а его не позовутъ, и незапу убогій урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же видѣ сына своего смерть и совершася (совѣщася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бить че-

И пріидоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ же нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться; убогаго пригласить не хотяху къ себѣ. Убогій же вниде на полати, поглядывая на нихъ и внезапу упалъ съ полатей, и задавилъ ребенка въ люлькѣ до смерти; мужикъ же поиде къ Шемякѣ судьѣ на убогаго бити челомъ.

	ломъ на убогаго же въ убиствѣ сына своего. И пріидоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій же иде за нимиже.	
	И внидоша всѣ во градъ, и какъ убогій пойде мостомъ — мостъ же сдѣланъ надъ глубокимъ рвомъ—и нѣкій человѣкъ житель того града рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій же размышляя въ себѣ, что ему отъ брата и попа будетъ погибель, и умысля въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упаде на стараго человѣка— сынъ его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Тогожъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку.	Идущимъ же имъ ко граду купно богатый братъ и оный мужикъ, убогій же за ними идяше; прилучися имъ идти высокимъ мостомъ, убогій же иде съ ними и разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки, и бросился съ мосту — хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ отца везетъ хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ пойде бить челомъ, что отца его ушибъ.
	Убогій же мысляше какъ бы ему бѣды избыти, и умысля взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку, и ста передъ судьею, и принесе братъ его исковую челобитную въ лошади и подаде судьѣ. Судья же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати. Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченый камень и показавъ де и поклонися.	Богатый братъ пріиде къ Шемякѣ судьѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подня камень и завяза въ платъ, и кажетъ позади брата и топомышляетъ: аще судья не по мнѣ станетъ судить, то я его ушибу до смерти.
Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогій загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына». — Нѣтъ, сказалъ богатый, пусть лучше быки пропадаютъ.	Судія же надѣяся, что ему отъ дѣла сулитъ, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: въ то время у него лошадь возьми.	Судья же чая, что ему сто рублевъ даетъ отъ дѣла, и приказалъ богатому отдать убогому лошадь, пока у нея хвостъ выростетъ.
Говоритъ праведный судія: «пусть убогій купитъ тебѣ новую лошадь, а ты, богатый, отдай ему сына: вѣдь онъ тебѣ сы-	Потомъ нача другій судъ быти, и подаде попъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій также выня	Потомъ пріиде мужикъ, подаде челобитну въ убивствѣ младенца и нача бить челомъ; убогій же вынявъ тотъ же камень и показа

на вымолилъ, а ты его добра не попомнилъ» [14]).

платъ съ каменемъ и такожь судьѣ показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другаго суда сулилъ убогій же. Рече судія попу: когда той убогій ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадью.

Потомъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевѣ смерти, что тотъ убогій же бросился съ мосту, ушибъ у него отца. Убогій же вынявъ изъ шапки тотъ же заверченый камень въ платѣ и показа судьѣ. Судья же чая, что ему третій узолъ сулилъ и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты, убогій же, стань подъ мостомъ, и съ мосту бросись на того убогаго, якоже бросился на отца своего. Убогій же нача Бога хвалити, что судія по немъ судъ судилъ.

Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказовъ, и нача богатый просити убогаго лошади своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выростетъ, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богатый же даде убогому брату своему 200 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ(хвоста).

Потомъ же убогій нача попадьи просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадью ребенка у ней добыть и съ рабенкомъ бы попу попадью отдать.

Попъ же нача убогому бить челомъ, чтобъ у него попадьи не ималъ, а убогій же нача носитися и попадью хотя у попа взяти, и даде попъ убогому за попадью 50 рублевъ

судьѣ позади мужика. Судья же чая другое сто рублевъ даетъ отъ другаго дѣла и приказалъ: мужику отдать убогому жену по тѣхъ мѣстъ, пока у ней ребенка сдѣлаетъ, и ты въ тѣ поры возьми къ себѣ жену и съ ребенкомъ назадъ.

Пріиде сынъ объ отцѣ бить челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитну на убогаго. Убогій же вынувъ тотъ же камень и кажетъ судьѣ. Судья же чая сто рублевъ даетъ отъ дѣла и приказалъ: сыну стать на мосту, а ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также скочи съ мосту на убогаго и задави его до смерти.

Пріиде убогій братъ къ богатому по судейскому приказу лошади прошать безъ хвоста, пока у ней выростетъ хвостъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати, даде ему денегъ 5 рублевъ да три четверти хлѣба да козу дойную, и помирися съ нимъ вѣчно.

Пріиде убогій братъ къ мужику и нача по судейскому приказу жену прошати, и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать.

Мужикъ же нача съ убогимъ миритися и даде убогому 50 рублевъ да корову съ теленкомъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да четыре четверти хлѣ-

[14]) Аѳанасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 83—84.

денегъ да кобылу съ жеребенкомъ, да быка съ коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей.

Потомъ же нача убогій третьему истцу по судейскому указу говорить: я де стану подъ мостомъ, а ты взыди на мостъ, а ты съ мосту бросися на меня такоже, якоже азъ на отца твоего. Онъ же размышляя въ себѣ: аще мнѣ броситися, его будетъ не убити, а себя буде убити. И нача истецъ мирится и даде ему 30 рублевъ денегъ да лошадь съ коровою.

Судія же высла человѣка своего къ отвѣтчику и велѣлъ у него взять показанные три узла. Человѣкъ же судейскій нача у него трехъ узловъ просити; онъ же вынявъ изъ шапки заверченый камень въ платѣ, показа тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати, что то за камень кажешь. Онъ же рече: я де того ради сей камень судьѣ казалъ, кабы онъ не по мнѣ судилъ, и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибти. И пришедъ человѣкъ и сказалъ судьѣ. Судья же слыша отъ человѣка своего и рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ; акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убогій отыде въ домъ свой радуяся и хваля Бога. Аминь [15]).

ба, и помирися съ нимъ вѣчно.

Прійде убогій къ сыну за отцово убивство, нача ему говорить, что по судейскому приказу тебѣ стать на мосту, а мнѣ подъ мостомъ, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти. Сынъ же нача помышляти себѣ: какъ скочу съ моста, его не задавишь, а самъ ушибуся до смерти, нача съ убогимъ миритися: даде ему денегъ 200 рублевъ, да лошадь, да пять четвертей хлѣба.

Судья же Шемяка выслалъ слугу къ убогому прошать денегъ 300 рублей. Убогій же показа камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же прійде къ судьѣ и сказа про убогаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнеиъ ушибить до смерти. Судья же нача креститися: слава Богу, что я по немъ судилъ [16]).

---

[15]) Рукопись Публичной Библіотеки, конца XVII и начала XVIII вѣка. Отдѣл. XVII. Q. № 41. 42—45 об. — Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній. IV, 2—5. — Памятники старинной русской литературы, изд. граф. Кушелевымъ-Безбородко. Выпускъ второй; стр. 405—406.

[16]) Приведенный текстъ заимствованъ изъ превосходнаго собранія лубочныхъ картинъ, составленнаго покойнымъ Далемъ. Въ отчетѣ публичной библіотеки за 1852 годъ сказано, что Даль принесъ библіотекѣ въ даръ «мно-

Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ — держать у себя лошадь пока выростетъ у нея хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ цѣломъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ.

Въ тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ, браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія. Онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждами мѣсто, бѣднякъ задавилъ лежавшаго подъ одеждами ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполнѣ сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ. Такъ какъ отвѣтчикъ приведя быка ничего не *сказалъ* объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколоть *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку-отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка

гочисленную, систематически расположенную коллекцію лубочныхъ картинъ. Присоединивъ ее къ полученной изъ древлехранилища г. Погодина, публичная библіотека имѣетъ теперь едва ли не первое въ Россіи, по богатству и разнообразію, собраніе этихъ произведеній простонароднаго искусства и русскаго затѣйливаго остроумія» (стр. 82). — Лучшіе въ своемъ родѣ, два экземпляра лубочныхъ картинъ Шемякина Суда въ коллекціи Даля за весьма, весьма немногими исключеніями дословно сходны между собою; даже ошибки одни и тѣже, какъ напримѣръ «наслекъ» вмѣсто «ночлегъ». Почти единственный и самый крупный варіантъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одной картинѣ: «отдать убогому жену, пока у ней ребенка сдѣлаетъ.... и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать». Въ другой: «пока у нея ребенокъ родится». Такая замѣна для соблюденія большаго приличія выраженія произошла быть можетъ вслѣдствіе цензурныхъ требованій: она встрѣчается именно въ томъ экземплярѣ, гдѣ есть дозволеніе цензора, на первомъ же экземплярѣ нѣтъ этого дозволенія. До 1822 года лубочныя картины выходили безъ цензуры; съ этого времени они подчинены полицейскому надзору, а съ 1826 года—общему цензурному уставу (Лубочныя картинки, соч. Снегирева. 1861, стр. 16).

царь приказываетъ бѣдняку взять ее себѣ въ жены и прижить съ нею другаго ребенка, и т. п. [17]).

Въ индійской сказкѣ о каирскомъ купцѣ подсудимый — солдатъ, взявшій у жида взаймы деньги подъ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая вслѣдствіе этого выкидываетъ. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастіе: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе, по остальнымъ обвиненіямъ—тѣже приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской [18]).

Идеаломъ правдиваго судьи для средневѣковой Германіи былъ Карлъ Великій. Имя его вошло въ пословицу: и „Карловъ судъ" значило тоже, что правый судъ и судъ по старинѣ [19]). Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія напечатана пѣсня о судѣ Карла Великаго, представляющая много сходнаго съ повѣстью о судѣ Шемяки. Въ 1493 издана въ Бамбергѣ пѣсня о Карлѣ подъ такимъ заглавіемъ: Von keiser Karls recht. Wie er ein kauffman und ein juden macht slecht, Von eins pfunds schmerbs weden das er aus seines seitten. M. gl.' v'setzt het [20]). Второе изданіе вышло въ Страсбургѣ въ 1498 году. Понятно, что изданія эти составляютъ библіографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ и въ нашей публичной библіотекѣ, обладающей значительнымъ количествомъ произведеній европейской печати пятнадцатаго вѣка и между прочимъ 1493 и 1498

---

[17]) Benfey: Pantschantra. I, 394—397.

[18]) Тамъ же. I, 402—403.

[19]) Histoire poétique de Charlemange par Gaston. Paris. 1865. стр. 353—356. — Gesammtabenteuer, herausgegeben von Fr. H. von der Hagen. 1850, II, 637—641.

[20]) Panzer's Annalen der ältern deutschen Literatur. Nürnberg. 1788. I, 207. (es ist dasselbe in IX gesetz abgetheilt und vermutlich von einem alten meistersänger vorfertiget worgen).

Lehrbuch einer literärgeschichte der berümtesten völker des mittelalters, von Grasse. 1842. 3 abtheilung, 1-e hälfte, s. 302—303.

годовъ. Не только самый текстъ, но и подробное изложеніе его въ статьѣ Доцена, вышедшей въ 1811 году, стало уже рѣдкостью, такъ что Бенфей приводитъ содержаніе пѣсни по извлеченію изъ Доцена, сдѣланному Зимрокомъ въ извѣстномъ трудѣ его объ источникахъ Шекспира. Другіе ученые также ограничиваются пересказомъ Зимрока, выражая сожалѣніе о невозможности пользоваться статьею Доцена. Поэтому приводимъ вполнѣ важную для нашей цѣли пѣсню въ томъ видѣ, какъ изложена она у Доцена [21]).

— Купецъ, которому счастье помогло нажить значительное богатство, умирая оставилъ все состояніе своему единственному сыну. О воспитаніи его отецъ приложилъ много заботы, и пѣсня восхваляетъ цвѣтущаго и веселаго духомъ, превозносящагося надъ другими, юношу — der jung war frisch und wohlgemut und brach sich da für andre seines gleichen. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сынъ бросился въ шумныя удовольствія; состоянія едва хватило ему на годъ, и онъ увидѣлъ передъ собою нужду и бѣдность. Для собственнаго спасенія онъ рѣшается попытать счастья въ чужихъ земляхъ. Съ этою цѣлью онъ отправляется къ богатому жиду занять у него тысячу гульденовъ, которые скоро и получаетъ, обѣщая жиду въ случаѣ, если не возвратитъ суммы къ назначенному сроку, фунтъ своего мяса — ein pfund schmer's aus seinem leibe. Онъ уѣзжаетъ въ чужую сторону; тамъ ему повезло, и скопивши три или четыре тысячи гульденовъ, онъ спѣшитъ уплатить долгъ къ назначенному времени. Но жида не застаетъ на мѣстѣ жительства, и только на третій день находитъ его въ другомъ городѣ, пріѣхавши туда по своимъ дѣламъ. Жидъ утверждаетъ, что контрактъ нарушенъ, срокъ пропущенъ, и потому онъ имѣетъ право получить неустойку. Напрасны всѣ оправданія; купецъ вынужденъ отправиться съ жидомъ къ импе-

---

[21]) Museum für alsdeutsche literatur und kunst, herausgegəben von dr. F. H. v. d. Hagen, B. J. Docen, dr. J. G. Büsching und B. Hundeshagen. 1811. Zweiter Band.: Docen: Etwas über die quellen des Shakspeare'schen schauspiele. Nebst einer altdeutschen erzählung: Kaiser Karls Recht. s. 279—283.

ратору, чтобы онъ разсудилъ ихъ по справедливости Императоромъ былъ тогда Карлъ: имя его извѣстно было далеко, и бѣдняковъ и богачей судилъ онъ одинаково правдиво [22]). Со страхомъ идетъ купецъ къ замку императора, боясь, что судья не допуститъ отступленія отъ буквальнаго смысла контракта. На пути онъ заснулъ отъ утомленія и не замѣтилъ какъ лошадь его раздавила ребенка, неосторожно бѣжавшаго на дорогѣ. Отецъ ребенка бросается за нимъ и обзываетъ его убійцею, но жидъ удерживаетъ его отъ насилія и предлагаетъ отправиться вмѣстѣ къ двору императора, чтобы получить удовлетвореніе. Когда прибыли они, всѣ трое, императоръ былъ въ отсутствіи. Купца держали подъ строгимъ присмотромъ, но съ нимъ приключилась новая бѣда: заснувши слишкомъ близко отъ окна онъ свалился за окно и спасся только тѣмъ, что попалъ на сидѣвшаго на скамьѣ подъ окномъ стараго рыцаря, котораго и убилъ своимъ паденіемъ. Узнавши объ этомъ, юный сынъ рыцаря бросился на купца и закололъ бы его, если бы жидъ не остановилъ его и не объяснилъ, что первую казнь несчастный долженъ вытерпѣть отъ него. — Между тѣмъ императоръ приказываетъ снарядить судъ и привести стороны. Прежде всего—жалоба жида, которую купецъ не отрицаетъ, говоря однакоже, что онъ пришелъ въ срокъ, но не нашелъ „собаки" на мѣстѣ жительства. На это императоръ постановляетъ: купецъ подлежитъ наказанію, и жидъ долженъ самъ вырѣзать изъ его тѣла условленный фунтъ мяса, но не болѣе и не менѣе; если же онъ ошибется хотя на одинъ гранъ, то ему угрожаетъ смерть. Услышавъ такой приговоръ, и видя что дѣло проиграно, жидъ объявилъ, что онъ даритъ противнику все и къ тысячѣ гульденовъ прибавляетъ еще двѣсти гульденовъ. Затѣмъ очередь пришла къ тому, чье дитя задавлено. Онъ обвиняетъ купца въ смертоубійствѣ; купецъ признаетъ фактъ, но утверждаетъ, что это произошло не предна-

[22]) Подъ именемъ Карла здѣсь надо понимать, безъ сомнѣнія, Карла Великаго, хотя происшествіе, лежащее въ основѣ, скорѣе могло бы быть отнесено ко временамъ Карла IV, ибо древнѣйшія саги не восходятъ ранѣе XIV вѣка (примѣчаніе Доцена).

мѣренно. Императоръ уговариваетъ истца удовольствоваться денежною пенею: вѣдь новая смерть дѣлу не поможетъ и его дитяти не оживитъ. Но все напрасно: истецъ настаиваетъ на смерти своего противника. На это послѣдовалъ такой приговоръ императора: „положи его съ твоей женою, чтобъ онъ сдѣлалъ ей другаго ребенка“.—„Ну его и съ ребенкомъ“, сказалъ истецъ—

leg ihn zu deinem weibe,
dass er ein ander kind ihr mach'
nein! sprach der mann, das kind lass ich eh' fahren.

Судья утѣшаетъ его, говоря, что во имя Бога надо простить то, что случилось неумышленно. — Наконецъ является сынъ убитаго рыцаря и требуетъ у императора суда надъ убійцею. Безъ дальнихъ околичностей судья произноситъ свой приговоръ, по которому для того, чтобъ вполнѣ отомстить за отца, предоставляется сыну броситься изъ окна на отвѣтчика, котораго посадятъ внизу на скамьѣ, и убить его своимъ паденіемъ. Но молодой рыцарь, боясь промахнуться, находитъ болѣе выгоднымъ отказаться отъ иска— mir nicht, ich möcht daneben fallen. Такимъ образомъ купецъ отдѣлался счастливо отъ всѣхъ преслѣдованій, возблагодарилъ императора, радостно отправился восвояси и сталъ тамъ весело жить да поживать. Въ заключеніе разсказа снова восхваляются судьи, соединяющіе съ милосердіемъ справедливость и укрѣпляемые Господомъ въ славѣ и чести своей — die mit erbarmung mischen das recht:

und die das thun, der'ehre will Gott stärken. —

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что нѣкоторыя черты русской повѣсти встрѣчаются и въ сказаніяхъ другихъ народовъ, и если сравнить эти сказанія между собою во всемъ ихъ объемѣ, то окажется, что одни черты иногда замѣняются другими. Такая замѣна объясняется постепеннымъ наслоеніемъ сказанія, въ которое вносились различныя подробности, казавшіяся въ то или другое время, въ той или другой мѣстности, болѣе важными и занимательными. При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными

бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно—условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника. Этотъ эпизодъ, повторяясь во многихъ легендахъ, получилъ громкую извѣстность въ европейскомъ литературномъ мірѣ благодаря Венеціанскому купцу Шекспира.

Высказано было нѣсколько соображеній объ источникѣ преданія о такомъ возмутительномъ и безчеловѣчномъ требованіи. Одни указываютъ на законы двѣнадцати таблицъ, другіе—на буддійскія легенды и преданія, и т. д.

По свидѣтельству Авла Геллія, римскіе законы дозволяли несостоятельнаго должника заковать въ желѣза, держать его въ заключеніи шестьдесять дней и наконецъ подвергнуть смертной казни; если онъ долженъ былъ многимъ, то заимодавцы имѣли право разсѣкать его на части [23]). Квинтиліанъ говоритъ: есть вещи сами по себѣ предосудительныя, но тѣмъ не менѣе дозволяемыя закономъ—таково постановленіе двѣнадцати таблицъ, дозволяющее заимодавцамъ дѣлить между собою разрубленное на части тѣло должника [24]).

Бенфей возводитъ къ буддійскому источнику всѣ преданія о кровавыхъ казняхъ — о вырѣзываніи мяса, объ искалѣчиваньи и увѣчьи, и т. п., и объясняетъ эти жестокости господствующими въ буддійскомъ мірѣ идеями о самопожертвованіи, доведенномъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Буддійскія легенды говорятъ о принесеніи себя въ жертву подъ видомъ оленя или рыбы; объ отдачѣ своихъ глазъ слѣпому нищему; о готовности отдавать себя на съѣденіе по частямъ. Какой-то царь — гласитъ легенда — долженъ былъ спасаться бѣгствомъ съ женою своею и сыномъ; онъ взялъ съ собою необходимый запасъ пищи; по несчастью путники сбиваются съ дороги, имъ приходится странствовать гораздо бо-

[23]) Auli Gellii Noctes Atticae. Lib. XX, cap. I. 45—50.

[24]) M. Fabii Quintilianii Oratoriae institutionis lib. III, cap. VII: . . . sunt enim quaedam non laudabilia natura, sed jure concessa, ut in XII tabulis debitoris corpus inter creditores dividi licuit, quam legem mos publicus repudiavit . . .

лѣе нежели предполагалось, и весь взятый запасъ истощается. Тогда сынъ предлагаетъ родителямъ питаться его тѣломъ, вырѣзывая изъ него мясо кусокъ за кускомъ, потому что если бы вдругъ убить его, то мясо скоро бы испортилось отъ сильнаго зноя. Родители принимаютъ предложеніе сына и дѣлятъ между собою куски его мяса [25]).

Въ старинной русской литературѣ извѣстна была легенда о вырѣзываніи жидомъ человѣческаго мяса; о ней упоминается у одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей семнадцатаго столѣтія — Іоанникія Галятовскаго († 1688). Въ сочиненіи своемъ: „Мессія правдивый", въ которомъ собрано много средневѣковыхъ обвиненій, направленныхъ противъ евреевъ, Галятовскій говоритъ: „въ Константинополю жидъ христіянинови убогому певную злота сумму позичилъ, жебы назначоного часу и долгъ и мѣсто лихвы двѣ унціи тѣла своего отдалъ жидови. Христіанинъ долгъ ему отдалъ, лихвы такой не хотѣлъ дати. Довѣдавшися о томъ Солиманъ цесаръ турецкій казалъ брытву принести и до жида мовилъ: чини ведлугъ права твоего — з которойколвекъ части хочешь тѣло вырѣжь, а нѣ больше, а нѣ менше надъ двѣ унціи, бо если ся помилишь, смертю будешь караный. Жидъ, смертю пристрашеный будучи, зыскъ отпустилъ христіанинови" [26]). Нашъ авторъ опредѣленно указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свое извѣстіе о константинопольскомъ жидѣ: „Егѣдый Коррозетъ о мовахъ и учинкахъ памяти годныхъ пишетъ". Французскій писатель Егидій Коррозетъ, Gilles Corrozet (1510—1568) парижскій типографъ, самоучка ученый, написалъ много сочиненій, и въ числѣ ихъ Les divers propos mémorables des nobles et illustres homes de la chrestienté. Paris. 1556, выдержавшее нѣсколько изданій [27]).

Опуская нѣкоторыя черты изъ цикла сказаній о судахъ, русская повѣсть удерживала другія, разнообразя ихъ по своему.

---

[25]) Benfey: Pantschatantra. I, 389—391.

[26]) Месіа правдивый.... Іоаникія Галятовскаго архимандрыты Чернѣговского. Року 1669, л. 391.

[27]) Trésor de livres rares et précieux ou nouveau dictionnaire bibliographique, par Grässe. 1861. T. II, p. 275—276.

Занимательность сюжета способствовала его популярности. Русскіе читатели, переписчики и пересказчики легко усвоивали себѣ пришедшее къ нимъ изчужа, добавляя его новыми подробностями и давая отчасти новый колоритъ. Изъ предложенныхъ фактовъ оказывается, что приговоры Шемяки — прижить ребенка съ женою истца и упасть на сына убитаго — встрѣчаются въ сказаніяхъ тибетскомъ, индійскомъ и нѣмецкомъ. Въ польской юмористической литературѣ извѣстенъ также разсказъ о каменьщикѣ, который упалъ съ высокой башни и убилъ сидѣвшаго внизу человѣка, а будучи позванъ въ судъ сказалъ истцу: взойди туда, откуда я упалъ, а я сяду тамъ, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, — бросайся внизъ и убей меня до смерти [28]). Этотъ разсказъ помѣщенъ въ польской передѣлкѣ похожденій нѣмецкаго народнаго шута: Eulenspiegel — по польски sowi-zrzał (зеркало) обратился по забавной этимологіи, основанной на созвучіи, въ совѣстдралъ. Тотъ же разсказъ встрѣчается и въ нѣмецкихъ юмористическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ vademecum [29]). Эти сборники не чужды были и нашей литературѣ: въ концѣ прошлаго столѣтія переведенъ съ нѣмецкаго для увеселенія больныхъ вадемекумъ, въ которомъ разсказывается, какъ взятый русскими въ плѣнъ въ сраженіи при Вильнѣ въ 1658 году больной фельдмаршалъ говорилъ съ врачомъ итальянцемъ о креморъ-тартари, а стража думала, что они толкуютъ о враждебныхъ Россіи крымскихъ татарахъ, и т. п. [30]).

Показыванье камня судьѣ не составляетъ исключительной особенности русской сказки: г. Тихонравовъ приводитъ поразительно сходную, по тону и мотиву, черту изъ польскаго писателя шестнадцатаго вѣка Рея изъ Нагловицъ. У подсудимаго — говоритъ Рей — лежалъ за пазухой камень, а судья принялъ его за

---

[28]) Похожденіе хитраго и забавнаго шута Совѣст-драла большаго носа, Переведенное съ польскаго и дополненное съ другихъ языковъ. 1793. Ч. II, стр. 173—174. — Статья г. Тихонравова: Шемякинъ Судъ, стр. 36—37.

[29]) Museum für altdeutsche literatur und kunst. II, 283.

[30]) Медицинскій вадемекумъ или собесѣдникъ, служащій забавою врачамъ и отрадою больнымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. 1799.

мѣшокъ съ деньгами (worek) и рѣшилъ дѣло въ пользу подсудимаго, который объяснилъ ему, что этотъ камень полетѣлъ бы ему въ лобъ, еслибы онъ рѣшилъ дѣло несправедливо [31]). По замѣчанію Снегирева появленье камня въ Судѣ Шемяки напоминаетъ старинную пословицу: «съ подъячимъ водись, а камень за пазухой держи [32])». Эта пословица еще болѣе сближаетъ русскій разсказъ съ польскимъ народнымъ, переложеннымъ въ стихи Реемъ изъ Нагловицъ.

Подкупъ судей, ихъ корыстолюбіе и взяточничество составляютъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ сатирическихъ произведеній западно-европейской литературы [33]), откуда весьма многое

---

[31]) Лѣтописи русской литературы и древности. Книжка пятая. Г. Тихонравова: Шемякинъ Судъ, стр. 37.

[32]) Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Сочиненіе Ив. Снегирева. 1861, стр. 59.

[33]) Изъ множества подобныхъ юмористическихъ разсказовъ выбираемъ два, изъ которыхъ одинъ находится во французскихъ фацеціяхъ, а другой — въ польскихъ.

De la subtille invention dont s'advisa promptement un procureur du roy aux eaux et forests pour sauver un accusé en danger d'estre pendu.

Un certain procureur du roy un jour en son auditoire crioit et s'eschauffoit fort contre un pauvre compagnon appelé Vento accusé d'avoir tué plusieurs cerfs et biches aux forestz du roy, crime lors capital, auquel temps aussi les procez criminels se jugeoient à huis ouverts et en pleine audience en presence de l'accusé et disoient les advocats leurs opinions de vive voix n'y ayant point encore de conseillers en la plus part des sieges royaux. Comme donc le juge prenoit les opinions, Vento, ayant les fers aux pieds, regardoit tantost l'un tantost l'autre à mesure qu'il opinoit, et voyant que son cas alloit de mal en pis et la plus part etoit d'advis que l'ordonnance fust gardée et luy en se faisant pendu et etranglé, qui pis est. Le procureur du roy harranguant aussi magistralement et concluant formellement à la mort s'advise de demander qu'il luy fust permis de dire un mot en l'oreille du procureur du roy; ce que luy estant permis, mit subtillement et sans qu'on s'en apperceust en la main gauche du procureur un anneau de la valeur d'environ dix escus luy disant seulement en l'oreille qu'il eust pitié de luy et ne le poursuivist si rigoureusement. Ce qui mortifia et abbatit tellement les paroles de ce criart qu'à l'instant renuerça son plaidoié et tout ce qu'il avoit dit auparavant; s'escriant, Ha Vento! puisse tu devenir biche. Messieurs, voyez je vous prie le danger où il mettoit nos consciences; il me vient de dire qu'il est clerc et tonsuré, je ne peux empescher qu'il ne soit renvoyé à son evesque. Le juge et les advocats furent bien esbahis d'un si soudain changement et d'une si prompte et dextrement inventeé menterie et eschapatoire moyennant laquelle Vento fut renvoyé en la cour

перешло и въ польскую литературу съ различными видоизмѣненіями, зависѣвшими отчасти отъ личныхъ цѣлей писателей, отчасти отъ условій народнаго быта [34]). Въ польскихъ фацеціяхъ судьи являются въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ выставлены они въ слѣдующемъ разсказѣ, сохранившемся какъ въ подлинникѣ, такъ и въ старинномъ русскомъ переводѣ:

O sedzim co go dway darowali.

Wiedli prawo czas niemały dway szlachcicow. Jeden ktory sprawiedliwsza mial aby mogł mieć przedszo odprawe darował sedziemu wielki rydwan. Adwersarz jego obaczywszy to, darowal sedziem pare koni dobrych. Rospieraiac sie prawem wskazał sedzia za onym co mu konie darowł. On co rydwan dal rzecze sedziemu: p. sedzia zlescie moy rydwan nakierowali. Rzecze sedzia: nie dziwny sie konie go nakierowaly jako konie ci-

О судіахъ и о мздопріимствѣ.

Предъ судіею нѣкоимъ прилѣжаша о нѣкое право двое чесныхъ людей время не мало. И единъ уповая получити себѣ яко правѣе ему бѣ, но дабы скорѣйшую отправу возымѣти, дарова судіи великій и дивный рыдванъ. Соперникъ, иже неправо хотѣ одержати, увѣдавъ сіе, дарова судіи великихъ и дивныхъ возниковъ. По семъ предъ судіею препирающеся положеніемъ закона, судія присуди и подутверти да

---

d'Eglise où depuis qu'un accusé est renvoyé il en sorte tousiours la vie sauve eust-il mangé une charrette ferrée, vray est que sa bource y demeure vide le plus souvent. (Les joyeusetez facecies et folastres imaginacions etc. 1829. Facecieux devis et plaisans contes par le Sr. Moulinet comedien. p. 16—18.

[34]) Facecyae polskie abo źartowne a trefne powiesci biesiadne tak z rozmaitych authorow, jako tez y z powiesci ludzkiey zebrane.—Экземпляръ (безъ конца) Публичной Библіотеки; печат. нѣмецкимъ шрифтомъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

O raycy lakomym.

Do radziec w jednym mieście przyszedł mieszczanin proszac aby mu plac wymierzono na mieyskim gruncie. Przyzwola wszyscy. Tylko jeden, ktory był principał miedzy nimi, był przeciwko temu, tak iź onego dnia nic konkludować nie mogli. Nazajutrz on mieszczenin szedl do onego rayce na pokoy, przyniosł mu dziesieć talerow, aby przeciwko tomu nie był, a swoie votum dał za nim. Wział chctliwie. Gdy ta rzecz zaś przed rade przyszla, on pan rayca, co peniadze wział, poczal od nego rzecz prawic i prosić aby iako sie onegday zezwolilo plac temu mieszczaninowi wymierzyć. Rayce sie dziwuia co mu se sstalo, a mieszczanin obrociwszy sie do sasiadow rzecze: patrzcie jako brzecza moie talery. Dobrze on poeta napisal:

Munera crede mihi placant hominesque deosque,
Placatur donis Juppiter ipse datis.

Polacy tak mowia:

Błagaia Boga szłuszne ofiary
U ludzi zasie przyiemne dary.

agnely, tak rydwan musiał isć. Pospolita przypowiesc: kto lepiey nasmaruie tomu nie skrzypi. Pane sedzia,

Pomni na mary, Nie sodz za dary [35]).

ровавшему возники. Оный же неправедно обиненный узрѣ ѣдуща судію въ рыдванѣ своемъ на оныхъ возникахъ рече: господине, како толико неправедно одержалъ еси мой сій рыдванъ. И рече судія: не вѣмъ како, точію сильные возники увезоша, поелику тянуша толико и упредиша.

Общая приповѣсть: кто больши мажетъ, тотъ не скрыпитъ; но
о судіи, помните на мары,
не судите за дары [36]).

Въ одномъ изъ сборниковъ конца XVII или начала XVIII вѣка тотъ же сюжетъ передается въ стихахъ съ нѣсколько измѣненными подробностями [37]).

Судія нѣкто дароимецъ бяше.
Отъ прю имущихъ дары воспріяше:
Сосудъ елея взя отъ единаго,
А вепря тучна прія отъ другаго,
И сего судомъ своимъ оправдалъ есть,
Онаго паки винна сотворилъ есть.
Пришедшу же въ домъ иже елей далъ есть,
Судія кривый сице отвѣщалъ есть:
Прости ми, рече, забыхъ благодати,
Яко ты елей изволи ми дати:
Вина же тому вепрь питанный бяше,
Иже вшедъ въ домъ мой елей проліяше.
Оле судіи! ниже усрамися,
Яко отъ правды непромъ отлучися.

Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справе-

[35]) Facecyae polskie—названный въ примѣчаніи 34-мъ экземпляръ Публичной Библіотеки.

[36]) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 12.

[37]) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 41.

дливости, какъ Соломонъ или Карлъ Великій. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и воззрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической — рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у нея снова выростетъ хвостъ. Камень также является здѣсь какъ орудіе мести неправедному судьѣ.

Въ высшей степени любопытную и разнообразную массу легендъ и преданій, переходившихъ у семитовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляютъ памятники еврейской литературы, отличающіеся болѣе или менѣе апокрифическимъ характеромъ. Таковы преимущественно: Вавилонскій Талмудъ [38]) и Sepher Hajaschar, т. е. Книга Праведнаго [39]) — романъ, составленный, по всей вѣроятности, испанскимъ евреемъ въ двѣнадцатомъ или

---

[38]) О Талмудѣ см. Geschichte der Juden, von E. Graetz. 1853. B. IV, s. 474—478. — Д. А. Хвольсона: О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ, противъ евреевъ. 1861, стр. 54—55, — и мн. др.

[39]) Такое названіе заимствовано изъ книги Іисуса Навина для приданія произведенію большей важности. О «книгѣ праведнаго» упоминается въ книгѣ Іисуса Навина (X, 13) въ славянскомъ и латинскомъ переводѣ, но въ греческомъ текстѣ этого мѣста нѣтъ. Въ изданіи Тишендорфа (Vetus testamentum juxta LXX interpretes. 1850. I, стр, 260): καὶ ἔστη ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη ἐν στάσει ἕως ἠμύνατο ὁ θεὸς τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν. καὶ ἔστη ὁ ἥλιος κατὰ μέσον τοῦ οὐρανοῦ, οὐ προεπορεύετο εἰς δυσμὰς εἰς τέλος ἡμέρας μιᾶς.—Въ славянской библіи: И ста солнце и луна въ стояніи, дондеже отмсти Богъ врагомъ ихъ, *не сіе ли есть писано въ книгахъ праведнаго*; и ста солнце посредѣ небесе, и не идяше на западъ въ совершеніе дне единого. — Въ латинской библіи: Substitit ergo sol, et luna stetit, donec vindicata esset gens israelitica ab hostibus suis, nonne hoc scriptum est *in libro recti?* (по друг. изд.: *in libro justorum*) stabat autem sol in medio coelo, neque festinabat ad occasum, quasi diem integrum. — Понѣмецки переводится: *das buch der redlichen.*— Въ русскомъ переводѣ Библіи: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ. Не это ли написано въ *книгѣ Праведнаго:* стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день». (Переводъ, изд. въ 1869 году св. Синодомъ, а равно и переводъ Павскаго).

тринадцатомъ вѣкѣ изъ древнихъ сагъ, перемѣшанныхъ съ историческими сказаніями [40]). Въ Вавилонскомъ Талмудѣ и въ Книгѣ Праведнаго находится подробное изображеніе содомскихъ судей, раздражившихъ небо своею кривдою, обратившеюся имъ же въ погибель. По свидѣтельству народныхъ легендъ характеръ, дѣйствія и приговоры судей были въ такомъ родѣ:

— Четыре судьи были въ Содомѣ: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-дина (Кривосудъ). Если кто прибьетъ беременную женщину и она вслѣдствіе этого выкинетъ, то судьи приказывали мужу обиженной отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беременною. Отсѣкалъ ли кто-нибудь ухо у чужаго осла, судьи повелѣвали отдавать осла въ распоряженіе обидчика пока снова выростетъ ухо у осла [41]).

— Когда приходилъ въ Содомъ нищій, жители не давали ему хлѣба, но каждый приносилъ ему по золотой или серебряной монетѣ, на которой выставлялъ свое имя; бѣдняга умиралъ съ голода, и каждый получалъ обратно свой динаръ [42]). Содомляне, по повелѣнію своихъ судей, устроили на улицахъ кровати, и какъ только въ городѣ показывался чужестранецъ, они хватали его, тащили къ кровати и насильно клали его на кровать; трое становились у изголовья и трое у ногъ: если онъ былъ короче кровати, его растягивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его крикъ; если же онъ былъ длиннѣе кровати, то его стягивали, и такимъ образомъ замучивали пришельцевъ до смерти.

— Дочь Лота, исполнясь жалости къ обреченному на голодную смерть пришельцу, тайно давала ему хлѣбъ, скрывая куски

---

40) Zunz: Die gottesdienstlichen vorträge der juden, historisch entwickelt. 1832, стр. 154—156,

41) Вавилонскій Талмудъ, трактатъ Синедріонъ, л. 109. — Съ признательностью упоминаю о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ при ознакомленіи съ памятниками еврейской литературы профессоромъ Хвольсономъ, а также и гг. Саломономъ Мандделькерномъ и Іоною Гурляндомъ, принявшими на себя трудъ перевести съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ нѣкоторыя мѣста изъ Талмуда и книги Hajaschar.

42) Вавил. Талмудъ, л. 109.

хлѣба въ кувшинѣ, съ которымъ ходила по воду. Когда это обнаружилось, судьи сожгли ее на кострѣ.—Другая дѣвушка накормила и напоила пришельца, и за это приговорена была къ мучительной смерти: судьи приказали обмазать ее медомъ и поставить передъ ульемъ пока пчелы не заѣдятъ ее.

— Какой-то путникъ прибылъ въ Содомъ, и одинъ изъ жителей пригласилъ его провести у него нѣсколько дней, и взялъ на сохраненіе коверъ и веревки, которыми вьюкъ привязанъ былъ къ ослу. Передъ отъѣздомъ гость обращается съ просьбою возвратить его вещи, но содомлянинъ сталъ увѣрять, что это — сонъ: длинныя веревки означаютъ долгую жизнь, а пестрый коверъ — виноградникъ съ различными плодоносными деревьями, и требовалъ трехъ сребрениковъ за истолкованіе сна. Судья нашелъ требованіе снотолкователя вполнѣ справедливымъ [43]).

— Прибьетъ ли одинъ другаго до крови, судьи присуждали заплатить обидчику за кровопусканіе. Переѣзжающій рѣку на паромѣ долженъ былъ платить четыре зуза (злота). Однажды прибылъ въ Содомъ прачечникъ, и содомляне стали у него требовать четыре зуза; но онъ объяснилъ, что перешелъ рѣку въ бродъ; за это избили его до крови. Бѣдняга пошелъ жаловаться въ судъ, и судья приказалъ ему заплатить восемь зузовъ да сверхъ того за кровопусканье [44]).

— Однажды Сара послала своего вѣрнаго слугу Лазаря (Эліезера) освѣдомиться о здоровьи ея родственника Лота. Пришедши въ Содомъ, Лазарь увидѣлъ, какъ одинъ содомецъ боролся съ какимъ-то иногородцемъ и сорвалъ съ него платье. Обиженный жаловался Лазарю, и Лазарь обратился къ содомцу съ вопросомъ: «отчего вы такъ обходитесь съ бѣднымъ пришельцемъ?» Содомецъ на это отвѣчаетъ: «развѣ братъ онъ тебѣ или содомцы поставили тебя судьею, что ты вступился за незна-

---

[43]) Книга Гайашаръ, отдѣлъ Вайера.

[44]) Вавил. Талмудъ, л. 109.

комца?» Лазарь продолжалъ спорить съ своимъ наглымъ противникомъ, и рѣшился отнять у него силою платье бѣдняка. Тогда содомецъ схватилъ камень и швырнулъ его Лазарю въ лобъ такъ, что кровь брызнула и полилась струей. Увидѣвши это, содомецъ вцѣпился въ Лазаря и сказалъ: «изволь-ка заплатить мнѣ за то, что я пустилъ тебѣ кровь — таковъ у насъ законъ!» Лазарь вскричалъ: «изранилъ меня, и требуешь еще платы!» Но содомецъ потащилъ окровавленнаго Лазаря къ судьѣ Шакру (Обману) и говоритъ судьѣ: «я пустилъ ему кровь, а онъ теперь отнѣкивается и не хочетъ заплатить». Судья сказалъ отвѣтчику: «правду говоритъ истецъ, — спѣши удовлетворъть его требованію согласно съ нашимъ закономъ». Услышавъ такой приговоръ, Лазарь взялъ камень и пустилъ его прямо въ лобъ судьѣ, прибавивъ: «посмотри-ка, Шакра, вотъ и я пустилъ тебѣ кровь въ изобиліи; по твоему же рѣшенію, и ты въ свою очередь долженъ вознаградить меня за трудъ: и такъ, изволь-ка заплатить мой долгъ моему истцу». Сказалъ и — былъ таковъ[45]).

По семитическимъ преданіямъ, кривой судъ содомлянъ составляетъ діаметральную противоположность съ мудрыми и правдивыми рѣшеніями Соломона. Такая же противоположность является, по замѣчанію Снегирева, между распространенными у насъ апокрифическими сказаніями о судахъ Соломона и судомъ Шемяки. Снегиревъ сопоставляетъ два произведенія, изъ которыхъ въ одномъ изображенъ судъ Соломона, въ другомъ — судъ Шемяки. Къ изображенію Соломонова суда на весьма рѣдкой картинѣ, гравированной въ Москвѣ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, присоединенъ текстъ, поясняющій, что по жалобѣ вельможи, давшему въ займы нищему во снѣ сто рублей, Соломонъ велѣлъ повѣсить эти деньги надъ колодеземъ, и тѣнь отъ нихъ взять вельможѣ. Рѣзкую противоположность мудрому и правдивому суду Соломона составляетъ кривой судъ Шемякинъ, усвоенный нашею лубочною литературою[46]).

---

[45]) Книга Гайашаръ, отд. Вайера.

[46]) Снегирева: Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 58—59.

Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ серьезное, обличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ оттѣняется сатирою, проглядывающею въ поступкѣ Лазаря съ судьею, такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти, должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто-русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры. Судья называется обычнымъ эпитетомъ своимъ: «праведный»—ѣдутъ къ праведному судьѣ, сталъ судить праведный судъ, и т. п. Въ рукописяхъ читается: «слава Богу великому, яко судихъ судъ по правдѣ, и т. д.

Главное дѣйствующее лицо въ Шемякиномъ Судѣ—честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности: убогій братъ также «переклюкалъ» богатаго брата и всѣхъ своихъ вороговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ [47]).

Въ составѣ русской повѣсти слышится нѣсколько мотивовъ; любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдою, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе давнемъ слоѣ повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача брата и сохранившаго жизнь его сына. Вмѣсто благодарности жестокій богачъ требуетъ казни несчастнаго. Тотъ же бѣднякъ изъ состраданія бросается вытаскивать изъ сугроба чужую лошадь, и силясь вытащить ее отрываетъ у нея хвостъ: за это также обвиняютъ его передъ судомъ. Что же оставалось дѣлать эпическому правдивому судьѣ, какъ не спасти несчастнаго, являющагося жертвою своей доброты? Изобрѣтательный судья придумываетъ рѣшенье, избавляющее ни въ чемъ въ сущности не-

[47]) Аѳанасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ VI, стр. 77—87 и др.

повиннаго бѣдняка отъ нравственно незаслуженной казни. Дѣйствія судьи въ этомъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ голосу народа: «бѣднаго убить — не спасенье нажить; виноватаго кровь — вода, а невиннаго — бѣда» и т. п. Всѣ рѣшенія судьи ведутъ къ тому, чтобы не дать бѣдовика въ руки людей корыстныхъ и жестокихъ. Весь смыслъ легендарныхъ приговоровъ заключается именно въ томъ, что они произносятся надъ человѣкомъ нравственно невиновнымъ, ибо онъ обвиняется въ томъ, что совершенно имъ не только безъ всякаго злаго умысла, а напротивъ съ цѣлью благою и доброю, изъ любви къ ближнему. Отчасти онъ является безсознательною жертвою преслѣдующей его бѣды: бѣда шла на него и бѣдой погоняла... Пословицы говорятъ: невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ; грѣхъ да бѣда на кого не живетъ; нужда законъ измѣняетъ; noth hat kein gebot; nécessité n'a point de loi; unrecht ist auch recht, и т. д. Убѣжденіе въ нравственной правдѣ суда, спасающаго несчастнаго хотя бы и вопреки юридической правильности, усвоено народною словесностью. Въ силу этого убѣжденія приговоры подобные Шемякинымъ приписываются: на востокѣ—царямъ и судьямъ «мудрымъ, святымъ, прекраснымъ», а на западѣ—Карлу Великому, слывшему въ средніе вѣка правдивѣйшимъ изъ правдивѣйшихъ судей, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ.

При дальнѣйшемъ развитіи легенды эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія ея въ литературѣ — началу сатирическому. Съ появленьемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и правдивый судья изъ эпическаго представителя доброй силы, охраняющей несчастіе, превратился въ судью неправеднаго—кривосуда и взяточника. Время и мѣсто измѣненія мотива такъ же трудно опредѣлить съ точностью, какъ и время и мѣсто первоначальнаго образованія сюжета. Существованіе подобныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ польской, западно-европейскихъ и семитическихъ литературъ не позволяетъ видѣть, подобно Бенфею, въ подкупѣ судьи исключительно рус-

скій мотивъ. Гриммъ, указывая въ сказкахъ чисто-русскія особенности, какъ напримѣръ олицетвореніе кручины и т. п., не отмѣтилъ ни одной такого рода особенности въ Шемякиномъ Судѣ, извѣстномъ ему по тексту лубочныхъ картинъ. Строго говоря, въ повѣсти о судѣ Шемяки собственно русскаго — не ея характеръ, общее содержаніе и мотивъ, а многія подробности, взятыя изъ русскаго быта. Горемыка, закабалившій себя за двѣ мѣры ржи; занесенная снѣгомъ дорога съ сугробами, изъ которыхъ вытаскиваютъ проѣзжихъ; нежеланіе отдать дитя въ чужую семью ни за какія деньги; рожденье вымоленнаго ребенка; заронъ взять въ кумовья; раздумье о томъ, что хоженова дать нечего, что голова давно смѣчена и не быть живому при тогдашнихъ судейскихъ порядкахъ, и т. д., и т. д.—все это внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками. Самое появленіе попа въ числѣ истцовъ и приговоръ объ отнятіи у него попадьи находится въ связи съ тѣмъ, что потеря жены особенно чувствительна для русскаго попа, неимѣющаго права вступать во второй бракъ. Русскій обликъ повѣсти скрѣпляется чисто-русскимъ именемъ судьи—Шемяки. Нѣтъ сомнѣнія что имя это внесено въ повѣсть уже сложившуюся, и невозможно допустить, чтобы она написана была по поводу дѣйствій Шемяки. Въ народной словесности вообще замѣтно стремленье замѣнять безыменныя лица какими либо именами, какъ это встрѣчается во многихъ апокрифахъ и т. п. Впечатлѣніе, произведенное на москвичей Шемякою и его сподвижниками, содѣйствовало тому, что неправедный судья названъ именемъ Шемяки. По свидѣтельству хронографа, отъ временъ Шемяки «въ Велицѣй Русіи на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*». Приводя это мѣсто Карамзинъ говоритъ: «не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народнй пословицѣ *о судѣ Шемякиномъ*,

донынѣ употребительной [48])». Происхожденіе этой пословицы профессоръ Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Положеніе Шемяки—говоритъ онъ—«въ Москвѣ на столѣ великокояжескомъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ пріобрѣсти расположеніе другихъ князей... Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступиться отъ своихъ пріобрѣтеній... Обязанный уступать требованіямъ князей союзниковъ въ ущербъ силѣ московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему нерасположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти противъ нихъ защиты на *судѣ Шемякинѣ*, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго [49](».

Нѣкоторыя черты повѣсти, кажущіяся въ наше время чисто-сатирическими, представлялись въ нѣсколько иномъ свѣтѣ стариннымъ читателямъ и въ особенности слушателямъ, отдѣленнымъ отъ насъ нѣсколькими вѣками. По крайней мѣрѣ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшеній Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Кошихина, подтверждаемому законодательными памят-

---

[48]) Исторія государства россійскаго. 1842. Т. V, стр. 188, г. 1146, прим. 338

[49]) Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 1854. Т. IV, стр. 75—76.—К. Н. Бестужева-Рюмина Русская исторія. 1872. Т. I, 414: «въ Москвѣ не любили Шемяку, и преданіе о неправильномъ судьѣ Шемякѣ сохранилось до сихъ поръ: С. М. Соловьевъ очень вѣроятно объясняетъ это преданіе тѣмъ, что галицкіе бояре давили москвичей»

никами, несостоятельный должникъ отдаваемъ былъ въ слуги заимодавцу, и если «господинъ тому человѣку учинитъ наругательство, съ сердца переломитъ руку или ногу, или глазъ выколетъ, или губы или носъ или уши или иное что обрѣжетъ: и ему противъ того жъ будетъ указъ учиненъ самому — рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ тогожъ. А будетъ тотъ его увѣчной человѣкъ отъ его наругательства умретъ, и того господина самого казнятъ смертію, и т. д. [50]). За убіиство казнили смертью; за поджогъ — сожигали виновнаго; кто лилъ фальшивую монету, тому заливали горло, и т. п. По Уложенію: «а кого кто убьетъ съ умышленія, такова убійцу казнити смертію; которые денежные мастера учнутъ дѣлати мѣдныя или оловянныя или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавливати мѣдь или олово или свинецъ, за такое дѣло — залити горло; а будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ, и такова зажигальщика сжечь». (Уложеніе: XXI, 75; V, 1; X, 228).—Самъ историческій Шемяка, имя коего сдѣлалось прозвищемъ «всякаго судьи—восхитника», прибѣгнулъ къ равносильному возмездію: за ослѣпленіе отомстилъ тѣмъ, что ослѣпилъ виновнаго. — Въ судопроизводствѣ наблюдались нѣкоторые пріемы, напоминающіе гаданья и другія диковинныя вещи, описаніе которыхъ можно встрѣтить въ старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Къ числу стародавнихъ юридическихъ обычаевъ принадлежитъ судъ жребіемъ: и по Судебнику и по Уложенію въ искахъ гражданскихъ, преимущественно долговыхъ, возникавшихъ между русскими и чужеземцами, дѣло рѣшалось по жребію: «чей ся жеребей выйметъ, тотъ, поцаловавъ, свое возьметъ или отцалуется». Англичанинъ, бывшій въ Россіи въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, такъ описываетъ свой процессъ съ русскимъ купцомъ: «Я былъ долженъ русскому купцу шестьсотъ рублей, а онъ требовалъ съ меня вдвое. Надлежало прибѣгнуть къ жеребью. Въ судной палатѣ толпилось множество людей. Судьи

[50]) Кошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; гл. VII, ст. 40, стр. 95 (изд. 1840 г.).— Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: XXII, 10.

взяли два шарика восковые — одинъ съ моимъ, другой съ его именемъ, кликнули незнакомаго человѣка изъ толпы зрителей, бросили ему шарики въ шапку, и велѣли другому зрителю вынуть голою *правою* рукою одинъ изъ нихъ: вынулся мой. Я заплатилъ шестьсотъ рублей... народъ славилъ правосудіе небесное[51])».

Хотя взглядъ на ту или другую черту могъ постепенно измѣняться, тѣмъ не менѣе занимающій насъ памятникъ въ его цѣломъ составѣ причисляемъ былъ къ сатирическимъ уже въ началѣ восьмнадцатаго и даже въ концѣ семнадцатаго вѣка. Такъ можно заключить изъ того, что составители сборниковъ считали его заимствованнымъ изъ польскихъ жартъ и помѣщали рядомъ съ юмористическими произведеніями. Въ сборникѣ, хранящемся въ публичной библіотекѣ, непосредственно передъ Судомъ Шемяки помѣщена Притча о старикѣ, ухаживающемъ за молодою женщиною, которая говоритъ ему: а тебѣ у меня старому смерду — спать на полу на голыхъ доскахъ, а въ головы тебѣ жерновъ дресвяной камень, да пожалую тебя — велю дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ѣшь сухой хлѣбъ; а сопернику старика—крупичатые калачики, сдобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да вино въ кубцѣ—золотомъ вѣнцѣ, лебединая перина да чижевое зголовье, да соболиное одѣяло, и т. п. За Шемякинымъ Судомъ помѣщенъ разговоръ двухъ товарищей — пьющаго съ непьющимъ и затѣмъ—о чаркахъ, сколько кому пить: текстъ обоихъ статей находится и на лубочныхъ картинахъ.

Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судьѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ

---

[51]) Карамзина: Исторія государства россійскаго. Т. IX, примѣч. 788. Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1832. Книжка III, стр. 210—218.